

Лишь позже Юйцин узнал, что этот мальчик — тот самый незнакомец, которого он встретил у ворот в день переезда жильцов из комнаты 201 Западного здания. Звали его Фу Жуньшэн.

Довольно долго после того, как Фу Жуньшэн обосновался в Маленьком белом здании, Юйцину никак не выпадало случая с ним поговорить. Они жили в разных корпусах и учились в разных классах. И всё же Юйцин безотчётно тянулся к сверстнику. Ему казалось, что у них много общего: поговаривали, будто Жуньшэн всего на год старше и, как и сам Юйцин, перескочил через класс.

Юйцин был года на два-три младше Маганьэра и Эрпана, но из-за досрочного перевода они все учились в одном классе. Из-за возраста и невысокого роста приятели вечно нянчились с ним, как с младшим братишкой. С появлением Фу Жуньшэна Юйцин воспрянул духом: наконец-то он перестанет быть единственным «малышом» в их компании.

Вот только дружеские порывы Юйцина оставались безответными — Жуньшэн его попросту игнорировал. Впрочем, тот вообще никого не удостаивал даже взглядом, будь то в школе или во дворе.

Местная детвора несколько раз гурьбой ходила стучать к нему в дверь, но им никто не открывал. На улице по дороге в школу или обратно Жуньшэн тоже никому не попадался. И только ежевечерние звуки пианино доказывали, что в квартире кто-то есть.

Самого мальчика никто не видел, но слухи вокруг него множились с каждым днём. И один другого грязнее.

Шептались, будто его мать — шалава и потаскуха, а сам он не в своём уме. Самая же дикая сплетня гласила, что в прежней школе он пырнул ножом одноклассника насмерть, оттого его и перевели в начальную школу Хунъюань.

В этой ядовитой атмосфере Жуньшэн существовал словно под невидимым стеклянным колпаком. Маганьэр рассказывал, что где бы тот ни появлялся, все в радиусе пяти метров так и шарахались в стороны — будто от зачумлённого. А этот гордец только выше задирал подбородок.

Самого Жуньшэна это, похоже, ни капли не задевало. Он всё так же держался особняком, возникал и исчезал словно призрак, и всеобщее отчуждение было ему только на руку.

Несколько раз на переменах Юйцин видел, как тот в одиночку перебегал школьный двор, направляясь к Центру активности. Лица Жуньшэна Юйцин толком так и не разглядел, но его шевелюру ни с чем нельзя было спутать — волосы у него были не чёрные, а какого-то странного, соломенно-рыжего оттенка. В Центре активности находился класс музыки, и Юйцин решил, что мальчик ходит заниматься к учителю.

По пятницам уроков было мало — всего на полдня, а после обеда репетировал школьный

оркестр. Маганьэр и Эрпан, с которыми Юйцин обычно возвращался домой, давно убежали. У Юйцина оставались ключи от класса, поэтому после репетиции он не стал спешить, а устроился за партой и принялся спокойно делать уроки. Дома под завывания скрипки старшей сестры сосредоточиться всё равно бы не удалось.

К тому времени как он закончил, солнце уже клонилось к закату. Юйцин накинул на плечи ранец, проверил оконные задвижки и уже собирался запереть дверь, как вдруг внизу, в коридоре, раздался дробный топот ног.

Кто-то злобно рявкнул:

— Ишь, выпендривается, сучоныш! Сын потаскухи недоделанный, а ещё нос воротит! Ты вообще кто такой, а? Тьфу!

— Слышь, босс, этот урод нарывается. Навалить ему разок, мигом шёлковым станет.

— Да ну, не стоит... Завуч с него пылинки сдувает...

— Да плевать на эту завуч! Мы что, первые, кто его прессует? Слышь, утырок, язык проглотил?

— Короче, так. Ты, конечно, бесишь нереально, но мы пацаны понятливые. Гони бабки, и замаяли. А мы тебя потом даже крышевать будем...

Юйцин поморщился. Всё ясно: старшеклассники опять сбились в стаю и кого-то прессуют. Он на цыпочках подобрался к лестничному пролёту и заглянул в щель между перилами. Прямо под ним мелькнула соломенно-рыжая макушка.

В кольцо зажали Фу Жуньшэна.

Тот стоял, прижавшись спиной к перилам, и упорно молчал. Его грубо толкали в плечи, но он даже не вздрагивал, словно его это не касалось.

Хулиганы быстро теряли терпение, толчки становились всё злее и чувствительнее. Жуньшэн молча попытался вырваться, но силы были неравны — мелкому пацану ни за что не совладать с верзилами из старших классов.

Юйцин медлить не стал. Он метнулся обратно в класс, подхватил стоявшее за дверью ведро с грязной мыльной водой, в которой полоскали половую тряпку, вернулся к лестнице и, улучив момент, гаркнул во всё горло:

— Беги!

И опрокинул ведро прямо в пролёт.

Жуньшэн среагировал мгновенно: стоило ему услышать крик, как он ужом проскользнул под руками опешивших хулиганов и рванул вверх по ступеням.

Снизу донеслись яростные вопли и отборная ругань намокшей своры. Только тут Юйцина накрыло запоздалым страхом. Понимая, что сейчас ему не поздоровится, он припустил по длинному коридору к противоположному выходу.

На полпути позади грохнуло — Жуньшэн растянулся на полу. Юйцин оглянулся и понял, что тот потерял очки и теперь шарит руками вслепую. Юйцин в панике топнул ногой, но бросить товарища не смог: развернулся, подлетел к нему и рывком поставил на ноги.

Мальчишки несились со всех ног, а сзади, осыпая их проклятиями, нагоняли разъярённые преследователи. Сбежав по запасному выходу, беглецы дали петлю вокруг главного корпуса и ворвались в двери Центра активности.

На лестнице Жуньшэн вдруг упёрся ногами — похоже, собирался развернуться и дать бой, но Юйцин вцепился в него мёртвой хваткой и потащил дальше. Из-за этой заминки они потеряли драгоценные секунды. Бежать дальше было некуда. Спасаясь от погони, они взлетели на третий этаж, юркнули в музыкальный класс и с размаху захлопнули тяжёлую дверь, задвинув засов изнутри.

Музыкальный инвентарь берегли от воровства, поэтому в класс вела массивная железная дверь с надёжным замком.

Снаружи загрохотало: хулиганы пинали железо, рвали ручку и орали во всю глотку, обещая «спустить с них три шкуры» и «закопать прямо здесь». Звучало жутковато, но запертые внутри мальчишки затаили дыхание и не издали ни звука.

Наконец вопли и стук прекратились. Юйцин подождал немного, затем осторожно подтянулся на подоконнике и выглянул во двор. Те несколько оболтусов как раз перелезали через школьный забор, убираясь восвояси.

Облегчённо выдохнув, Юйцин подскочил к двери и потянул засов. Тот поддался, но створка даже не шелохнулась. Юйцин составил друг на друга две парты, взобрался наверх и глянул сквозь запylённую стеклянную фрамугу над косяком. Из горла у него вырвался стон: эти гадёныши умудрились притащить откуда-то тяжёлые деревянные брусья и намертво подпёрли дверь снаружи.

Теперь, пока кто-нибудь не уберёт эту баррикаду, выбраться наружу они не смогут — разве что высадить несущую стену.

Юйцин спрыгнул на пол и без сил растянулся прямо на досках. Потирая ушибленные ладони, он вздохнул:

— Ну всё, приплыли. Нас заперли.

Он повернулся к Жуньшэну, который так и стоял неподвижно:

— Эй, ты цел?

Жуньшэн сидел на стуле, неестественно выпрямив спину. Одежда на нём висела клочьями, но держался он с вызывающим достоинством. Наконец он вскинул голову и холодно спросил:

— Зачем ты меня потащил?

Без очков его взгляд показался Юйцину пронзительным и странным. Глаза у Жуньшэна были необыкновенные: крупные, миндалевидные, в глубоких глазницах. Внешние уголки век чуть опускались, но у самых висков резко взлетали вверх. Глядя на него, трудно было понять, злится он или забавляется.

Не дождавшись ответа, Жуньшэн с нажимом повторил:

— Зачем ты меня за руку схватил?

Юйцин открыл было рот, но осёкся, заметив, что Жуньшэн крутит в пальцах крошечный выкидной нож.

Юйцин испуганно отшатнулся:

— Ого... У тебя нож? Откуда?

Жуньшэн со щелчком выбросил лезвие, задвинул обратно и снова нажал на кнопку:

— Для самообороны.

Юйцин похлопал глазами, глядя на сталь, но в конце концов просто махнул рукой:

— Ладно, проехали. Как выбираться-то будем? Думай давай.

— Иди к окну и ори, — Жуньшэн наконец спрятал клинок в карман.

Юйцин послушно влез на подоконник. Сгущались сумерки. Во дворе школы не было ни души. Он набрал в лёгкие воздуха и закричал:

— Помогите! Эй, есть кто-нибудь?!

Ответом ему был лишь свист ветра. Вечер пятницы — все спешили по домам на выходные. Даже старик-сторож куда-то запропастился.

Сорвав голос, Юйцин спрыгнул на пол, достал из ранца зелёную армейскую фляжку и жадно припал к горлышку. Сделав несколько глотков, он немного отдышался и протянул флягу Жуньшэну:

— Будешь?

— Брезгую пить после кого-то, — отрезал тот.

Юйцин лишь пожал плечами и завинтил крышку. Он не обратил внимания ни на то, каким хриплым стал голос Жуньшэна, ни на его судорожное сглатывание.

Юйцин уселся на пол, обхватив колени руками. Чтобы разогнать гнетущую тишину, он заговорил первым:

— Меня зовут Дин Юйцин. Я живу в Северном здании, в...

— ...в комнате 203, — сиплым голосом перебил его Жуньшэн. — Ты уже говорил.

— Ого! — удивился Юйцин. — Так ты меня помнишь?

Жуньшэн промолчал.

Юйцин придвинулся ближе:

— Я несколько раз заходил к тебе, хотел позвать гулять, но у вас вечно никого нет дома.

Жуньшэн смерил его недоверчивым взглядом:

— Мы даже знакомы не были. С какой стати тебе ко мне ходить?

— Ну так теперь-то знакомы, — Юйцин снова покосился на темнеющее небо за стеклом. — Эх, тоска... И когда мы теперь домой попадём?

— Нас хватятся. Кто-нибудь придёт искать.

— А если не найдут?

— В понедельник точно найдут.

— Ну да. Только как без еды? И в туалет как ходить? — Юйцин приуныл было, но тут же переключился на другую тему и принялся внимательно разглядывать соседа: — У тебя щека распухла. Сильно болит? Вообще за что они на тебя взъелись?

Вместо ответа Жуньшэн поднялся, отошёл к пианино и опустился на круглую банкетку.

Юйцин тут же пристроился рядом:

— Сыграй что-нибудь! «К Элизе» умеешь? Или «Турецкий марш»? А «На прекрасном голубом Дунае»? Ну или хотя бы «Катюшу» давай!

Жуньшэн глубоко вздохнул, и его терпение лопнуло:

— Да замолчи ты наконец!

От крика у него перехватило горло. Он судорожно закашлялся, содрогаясь всем телом.

Юйцин мигом подскочил, сунул ему в руки фляжку и помог сделать несколько жадных глотков.

Отдышавшись, Жуньшэн смерил его тяжёлым, хмурым взглядом:

— Отойди от меня.

Юйцин тщательно закрутил фляжку и послушно отсел на полметра:

— Ладно-ладно, отсел. Играй давай.

Жуньшэн брезгливо утёр губы рукавом:

— Ты хоть ничем не болеешь? Заразы никакой нет?

— Вроде нет, — призадумался Юйцин. — У меня мама врач, она бы точно заметила.

Жуньшэн обречённо вздохнул и что-то беззвучно процедил сквозь зубы.

А в следующую секунду под сводами класса зазвучали унылые, монотонные гаммы до мажор.

<http://bllate.org/book/19415/1934606>